

ЛЮБОВЬ СКВОЗЬ ЗАВЕСУ МИРОВ

АГНИЯ ЧЕБОТАРЬ

Агния Чеботарь

Любовь сквозь завесу миров

«Автор»

2026

Чеботарь А.

Любовь сквозь завесу миров / А. Чеботарь — «Автор», 2026

Она невидимка. Он король школы с гранитной маской. Их любовь была невозможна. Но настоящий кошмар начался после того, как они нашли друг друга». Мать Мелиссы не умерла. Она королева эльфов. И её мир умирает. Теперь Мелисса должна выбрать: остаться с Бруно или стать спасительницей чужой вселенной? Но, может быть, секрет не в выборе? Может быть, ей суждено стать мостом между двумя мирами? Даже если для этого придётся сжечь себя. Даже если цена её первая любовь.

Содержание

Введение от автора	5
Пролог	6
Часть 1: Обычная жизнь, необычное сердце Глава 1. Солнечный удар по имени Бруно	7
Глава 2. Невидимка в толпе	9
Глава 3. Гранитный фасад	12
Глава 4. Шепот за спиной	14
Глава 5. Первая трещина	17
Глава 6. Случайность в библиотеке	20
Глава 7. Зеркало лжи	23
Глава 8. Приглашение в никуда	25
Глава 9. Танец под чужими взглядами	28
Глава 10. Звёзды на его коже	31
Глава 11. Ночной звонок	34
Глава 12. Мост через тишину	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Агния Чеботарь

Любовь сквозь завесу миров

Введение от автора

Дорогой читатель,

Перед тобой история о самом трудном выборе – выборе между долгом, что дан тебе по праву крови, и зовом собственного сердца. Эта книга – не просто фэнтези о мире эльфов и магии. Это история взросления, первая любовь, столкновение мечты и суровой реальности.

Мелисса – обычная девочка, которая, как и многие из нас, чувствует себя невидимкой в толпе. Её сердце полно надежд и тихой тоски по тому, кто кажется недостижимым. Бруно, с его броней из показного равнодушия, скрывающей раненую душу, наверняка напомнит тебе кого-то, кого ты встречал в жизни. Их мир – уютный, предсказуемый, но такой хрупкий.

А что, если однажды ты узнаешь, что твоя настоящая жизнь – лишь тень? Что за тонкой завесой привычной реальности существует иной мир, полный опасностей и чудес, и именно ты держишь ключ к его спасению? Именно с этим сталкивается наша героиня.

«Любовь сквозь завесу миров» – это попытка ответить на вопросы, что сильнее: привязанность к тому, что ты знаешь, или зов той части себя, о которой ты не подозревал? Можно ли построить хрупкий мост любви между двумя вселенными, обреченными на столкновение? И что ты выберешь, когда поймешь, что спасая один мир, рискуешь навсегда потерять другой?

Это путешествие будет трудным. В нём будут слёзы, боль предательства, горькие жертвы и отчаянная надежда. Но в нём же будет и первая робкая улыбка, и доверие, рожденное в тишине, и сила, которая прорастает сквозь трещины в душе.

Переверни страницу и сделай шаг сквозь завесу. Пришло время узнать, на что способна любовь, когда на кону стоят целые миры.

Пролог

Тишина в маленьком городке была особой, густой и сладкой, как мёд. Она оседала на крышах двухэтажных домов, пряталась в ухоженных садиках и дремала на поверхности бассейнов, отражая безмятежную синеву неба. Всё здесь было знакомо до последней трещинки на асфальте. Всё, кроме боли, что тихо пульсировала в груди Мелиссы, острой и неуместной, как шип в бархатной коробочке.

Она стояла у своего окна, прижав ладонь к холодному стеклу, и смотрела, как Бруно переходит улицу. Его плечи были напряжены, а взгляд устремлён куда-то вдаль, за горизонт этого сонного царства. Он шёл один, отстраняясь от всего мира невидимой стеной, которую Мелисса научилась видеть одной из первых. Для всех он был просто мачо, королем школы, которому плевать. Для неё – загадкой, которую она безнадежно пыталась разгадать с тех пор, как ему было пятнадцать, а ей четырнадцать.

Два года. Два года её сердце совершало прыжок при виде его улыбки, редко и неохотно, и сжималось в комок от его колких, отстраненных взглядов. Она знала, что другие девочки шепчутся о её холодности, о её красоте, которую она сама в зеркале не видела. Как можно было видеть что-то в себе, когда всё её существо было настроено на одну-единственную частоту – его присутствие в радиусе ста метров?

Она отвернулась от окна. Комната была залита теплым светом заката, и в этом свете пылинки танцевали, словно микроскопические феи. Мир был таким нормальным. Таким безопасным. Отец скоро вернётся с работы, они будут ужинать, он спросит ее об уроках, и она ответит, что всё хорошо. Она всегда говорила, что всё хорошо. Это была ее вторая натура – скрывать бурю под маской спокойствия. Так же, как и он.

Мысль о Бруно снова пронзила её, острая и живая. Сегодня на уроке литературы их взгляды встретились на секунду дольше обычного. И в его глазах, обычно тёмных и насмешливых, она увидела что-то иное. Миг ранимости, вспышку чего-то глубокого и спрятанного. Это могла быть игра света, ее воображение, выстраивающее воздушные замки из ничего. Но это «ничто» согревало её изнутри и пугало одновременно.

Она не знала, что эта боль, эта надежда – лишь первая нота в грандиозной симфонии её судьбы. Она не подозревала, что под уютным ковриком её реальности зияет бездна другого мира. Мира, где её ждёт мать, которую она считала мёртвой. Мира, который разрывается на части от междоусобиц и магии. Мира, который потребует от неё невозможного выбора.

Прямо сейчас, глядя на заходящее солнце, она была просто шестнадцатилетней девочкой, влюблённой в мальчика с глазами-бурями. Она не знала, что завеса, отделяющая её от истины, тонка, как лепесток, и вот-вот разорвётся. Оставалось лишь ждать, когда из тишины донесётся первый шёпот её настоящего имени, произнесённый на языке эльфов.

Часть 1: Обычная жизнь, необычное сердце

Глава 1. Солнечный удар по имени Бруно

Солнце в городке Сомервиль всегда было особенным – не просто ярким, а навязчивым, всепроникающим. Оно не ласкало, а било по глазам, отражаясь от крыш двухэтажных домов и гладкой поверхности бассейнов, заливая улицы сиропообразным, золотым светом, в котором медленно плавали пух одуванчиков и пыль с проселочной дороги. Мелисса ненавидела эти лучи. В такую погоду хотелось сидеть в прохладе своей комнаты, уткнувшись в книгу, где героини не потели на остановках, а их волосы не липли к влажным вискам.

Но школа ждала, а с ней – неизбежность.

Она стояла на краю школьного поля, прижимая к груди стопку учебников, словно щит. Сквозь тонкую ткань блузки солнце припекало кожу, обещая к вечеру новую россыпь веснушек. В воздухе висел смешанный запах скошенной травы и асфальта, прогретого за день. Обычный понедельник. Обычная жизнь.

И тут она увидела его.

Бруно выходил из главных дверей школы не один. Его окружала привычная свита – пара парней с мячом под мышкой и девушка с ярко-розовыми наушниками на шее. Он заслонил собой солнце, и на мгновение Мелиссе стало легче дышать. Высокий, с плечами регбиста, в простой белой футболке, которая на нем выглядела дорогой и стильной. Он что-то говорил, его губы растянулись в ухмылке, но глаза, темные и насмешливые, скользили по окружающим, не задерживаясь ни на ком.

Он был похож на это сомервильское солнце – ослепительный, горячий и безразличный.

Мелисса замерла, как кролик перед удавом. Ее сердце, предательское и глупое, принялось колотиться с такой силой, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди и упадет к его ногам в пыль. Два года. Два долгих года этот солнечный удар по имени Бруно парализовал ее волю и разум каждый раз, когда он оказывался в поле зрения.

Он проходил мимо, не глядя в ее сторону. Волна его голоса, низкого, чуть хриплого, донеслась до нее обрывком фразы: «...да ладно, это не стоит даже обсуждения». И снова этот холод. Этот гранитный фасад, который он выстроил вокруг себя и который она, единственная во всей школе, могла разглядеть.

Именно в этот миг, когда он был всего в метре от нее, случилось Непредвиденное. Из-под ног одного из его друзей вырвался мяч. Он неуклюже подпрыгнул и угодил прямым в стопку учебников, которую Мелисса так безнадежно пыталась удержать.

Книги с глухим стуком полетели на землю, разлетаясь по пыльной земле. Кто-то из свиты Бруно фыркнул. Мир для Мелиссы сжался до размера унижительного пятна на солнце.

– Эй, осторожнее! – буркнул виновник, уже бегущий за мячом.

Мелисса, покрасневшая до корней волос, молча наклонилась, чтобы собрать свои вещи. Ее пальцы дрожали. Ей хотелось провалиться сквозь землю, раствориться в этом липком воздухе.

И вдруг рядом с ней опустилась на одно колено еще одна тень. Большая, перекрывающая все остальное.

Она замерла.

Бруно, не говоря ни слова, стал поднимать ее книги. Он делал это молча, сосредоточенно, без тени насмешки или фальшивой галантности. Его большие, сильные руки аккуратно стряхнули пыль с обложки учебника по литературе, и он протянул его ей.

Их пальцы ненадолго соприкоснулись. Кожа его ладони была шершавой, вероятно, от турников или работы в гараже, о которой ходили слухи. От этого прикосновения по ее руке пробежали мурашки.

Она рискнула поднять на него глаза.

Он смотрел прямо на нее. Впервые. Не скользя взглядом мимо, а видя ее. Мелиссу. Не «ту умную блондинку», а именно ее. И в глубине его темно-карих глаз, всего на долю секунды, не было ни насмешки, ни безразличия. Была... усталость. Такая знакомая, родная усталость от необходимости постоянно быть начеку.

– Бери, – тихо сказал он. Его голос прозвучал совсем иначе, чем минуту назад – без металла и бравады. Глухо, почти по-человечески.

Она молча взяла книгу, не в силах вымолвить ни слова. Спасибо? Оно застряло комом в горле.

Он задержал взгляд еще на мгновение, и ей показалось, что уголок его рта дрогнул. Не в ухмылке, а в чем-то другом. Почти что в понимании.

Затем тень от него отступила. Он поднялся, кивнул ей – коротко, почти незаметно – и пошел догонять друзей, которые уже ушли вперед, не обратив внимания на эту маленькую сцену.

Мелисса осталась стоять на коленях в пыли, прижимая к груди спасенные учебники. Там, где коснулись его пальцы, кожа все еще горела. Солнце снова било ей в лицо, но теперь оно не обжигало. Оно грело.

Она смотрела ему вслед, на его удаляющуюся спину, на этот заново возведенный фасад неприступности, и впервые за два года безнадежной влюбленности в ее сердце затеплилась крошечная, опасная надежда. Она увидела трещину. Маленькую, почти невидимую. Но ее было достаточно.

Достаточно, чтобы весь ее предсказуемый мир Сомервилля дал первую трещину вместе с ней.

Глава 2. Невидимка в толпе

Школьный коридор между звонками был отдельной маленькой вселенной, живущей по своим законам. Здесь царил хаос – грохот металлических замков, визгливый смех, возня, обрывки разговоров о вчерашней вечеринке, домашнем задании по алгебре и новых кроссовках. Воздух был густым от смешения парфюмов, запаха пота и чего-то неуловимого – энергии молодости, расточительной и яркой.

Мелисса двигалась по этому живому организму, как призрак. Она знала все маршруты, все тихие закутки, где можно было переждать бурю. Ее способность становиться невидимой была отточена за годы практики. Не та невидимость, о которой пишут в фэнтези-книгах, а настоящая, человеческая – опущенные глаза, нейтральное выражение лица, подобранные волосы, скрывающие профиль, движения плавные и не привлекающие внимания. Она была тенью на периферии чужого зрения.

«Эй, смотри, это же Мелисса», – донесся до нее голос из группы девушек у шкафчиков. Она не видела, кто это сказал, но узнала интонацию – сладковатую, с примесью яда.

«Та самая, что Бруно вчера у всех на глазах глазки строила?» – ответил другой, насмешливый голос.

«Думает, она особенная, потому что учится хорошо. Ходит, нос воротит».

«А Бруно, говорят, просто из вежливости помог. Ему Лекси нравится, из старшей школы. Всем известно».

Удар был точен и безжалостен. Словно тонкими иглами, они пронзили тот хрупкий, светлый миг, что она хранила в себе с прошлого дня. «Просто из вежливости». Эти слова отозвались в ней горькой правдой. Конечно. Что еще могло заставить такого, как Бруно, обратить внимание на такую, как она? Невидимку.

Она ускорила шаг, протискиваясь между телами, чувствуя, как жар поднимается к ее щекам. Ее убежищем была библиотека – старая, пахнущая пылью и бумагой, расположенная в самом тихом крыле школы. Здесь, среди стеллажей с потрепанными корешками, можно было перевести дух.

Пробравшись внутрь, она нашла свой привычный столик в углу, за которым никто не сидел. Отодвинув тяжелый стул, она опустилась на него, положив голову на прохладную столешницу. В ушах все еще звенели их голоса. «Нос воротит». Если бы они только знали, что это не высокомерие, а панцирь. Панцирь, чтобы скрыть вечный страх сказать или сделать что-то не так, привлечь к себе нежелательное внимание, стать мишенью.

Она закрыла глаза, и перед ней снова возникло его лицо. Не отстраненное и насмешливое, каким она видела его тысячу раз, а то, одно-единственное – с прищуром от солнца и той непонятной усталостью в глазах. Он видел ее. Она была в этом уверена. В тот миг он смотрел не сквозь нее, а прямо на нее. Это не могло быть просто вежливостью. В вежливости нет такой глубины.

Рядом с ней скрипнул стул. Мелисса вздрогнула и подняла голову.

За соседним столом, спиной к ней, сидел он. Бруно.

Он был один. В его большой, сильной руке был не учебник, а тонкая книга в темном переплете без названия. Он читал, уткнувшись в нее, его спина была напряжена, а плечи слегка согорблены, словно он пытался создать вокруг себя невидимый кокон, отгораживающий от всего мира. Это была та же самая поза, что и у нее. Поза человека, который хочет спрятаться.

Сердце Мелиссы снова забилося чаще. Он был так близко. Она могла разглядеть отдельные пряди его темных волос, падающих на лоб, линию скулы, резкий контур плеча под футболкой. Он не замечал ее. Он был погружен в свое чтение, и его лицо, расслабленное и лишенное привычной маски, казалось моложе и уязвимее.

Она наблюдала за ним, затаив дыхание, и ее собственное одиночество вдруг приобрело новый оттенок. Она думала, что он – солнце, вокруг которого вращается целая планета его друзей и поклонников. А он сидел здесь, в тишине библиотеки, в полном одиночестве, прячась ото всех так же, как и она.

Мелисса медленно потянулась к своему рюкзаку и достала учебник по истории. Ее движения были осторожными, беззвучными. Она не хотела, чтобы он обернулся. Не хотела, чтобы этот момент закончился. Было странно и спокойно сидеть рядом с ним в тишине, делить с ним это укрытие, быть двумя невидимками в одном пузыре, отгороженном от гомона коридора.

Он вдруг пошевелился, перелистывая страницу. Мелисса замерла, опустив глаза в книгу, делая вид, что увлечена Римской империей. Краем глаза она видела, как он поднял голову и на секунду взгляд его скользнул по ней. Никакого узнавания, лишь мимолетное скольжение. Он снова уткнулся в свою книгу.

Он не видел ее. Или делал вид, что не видит.

И в этом не было боли унижения, как утром в коридоре. В этом была странная, щемящая общность. Они оба носили маски. Его – из показной уверенности и бравады. Ее – из тишины и незаметности. Но здесь, в библиотеке, они были просто двумя подростками, ищущими покоя.

Через несколько минут он резко встал, словно вспомнив, что ему нужно быть где-то еще. Его лицо снова стало замкнутым и отстраненным. Он поставил книгу на полку – Мелисса заметила, что это был томик стихов, но не разглядела чьих – и, не глядя по сторонам, вышел из библиотеки.

Тишина снова сомкнулась вокруг Мелиссы, но теперь она была иной. Она была наполнена эхом его присутствия. Она поднялась и подошла к полке, куда он поставил книгу. Это был сборник Эмили Дикинсон.

Бруно. И Эмили Дикинсон. Эти два понятия не складывались в голове в одну картину. Это была еще одна трещина. Глубокая и сокровенная.

Она вернулась к своему столу, и на ее губах появилась едва заметная улыбка. Они называли ее невидимкой. Но они не знали, что он, их король, их солнце, был таким же невидимкой,

как и она. Только его невидимость была добровольной и тщательно спроектированной. И она, Мелисса, возможно, была единственной, кто это видел.

Она больше не чувствовала себя просто жертвой. Она чувствовала себя сообщницей. Хранительницей тайны. И это чувство было гораздо сильнее, чем все их жалкие насмешки.

Глава 3. Гранитный фасад

Свист и грохот в школьном спортзале были оглушительными. Воздух, густой от запаха пота и пыли, вибрировал от криков с трибун. Шла репетиция главного школьного события весны – благотворительного баскетбольного матча. И Бруно, конечно же, был в центре всего.

Мелисса сидела на самых верхних скамейках, в тени, куда не долетали самые громкие возгласы. Она пришла сюда под предлогом, что ждет подругу, но сама себе в этом давно не верила. Она пришла смотреть на него. Наблюдать за тем, как он существует в своей стихии – в мире, где все просто: мяч, кольцо, победа.

И он был великолепен. Его тело, лишенное школьной униформы, в одних шортах и майке, двигалось с мощью и грацией дикого зверя. Он не просто бегал – он парил над паркетом, его мускулы играли под загорелой кожей при каждом резком рывке, каждом прыжке. Он отдавал пасы с резкой точностью, его низкий голос слышен был даже здесь, сквозь шум: «Дэвид, справа! Собирайся!»

Он улыбался. Широко, ослепительно, по-волчьи. Это была не та сдержанная улыбка, которую она видела в библиотеке, а другая – победная, триумфальная, обращенная к зрителям, к своим товарищам по команде, ко всему миру. Он ловил на себе восхищенные взгляды девушек с трибун и отвечал им этим взглядом – горячим, вызывающим, полным уверенности.

Это был тот самый Бруно. Мачо. Король. Солнце Сомервилля. И глядя на него сейчас, Мелиссе было почти невозможно совместить этот образ с тем молчаливым юношей над стихами Эмили Дикинсон. Та сцена в библиотеке начала казаться сном, миражом, порожденным ее слишком бурным воображением.

«Просто из вежливости», – снова прошептали в ее памяти голоса из коридора. И сейчас, наблюдая за ним, она почти в это поверила. Его фасад был идеален. Высечен из гранита, отполирован до блеска. Ни единой трещины.

Мяч вылетел за пределы площадки и покатился прямо к трибунам, остановившись у ног какой-то девчонки из младших классов. Она засмеялась и смущенно подняла его.

– Эй, красотка, кинь сюда! – громко и беззаботно крикнул Бруно, подходя к лицевой линии. Его голос звенел привычной, немного наглой бравадой.

Девчонка, вся вспыхнув, изо всех сил швырнула ему мяч. Бросок был слабым, мяч не долетел и упал на паркет с глухим стуком.

Бруно фыркнул, короткий, пренебрежительный звук. Он не сказал ничего, но его ухмылка и легкое покачивание головы были красноречивее любых слов. Словно он говорил: «Ну что с тебя взять?» Он развернулся и побежал назад, на площадку, к своей команде, к своему царству.

А девчонка осталась сидеть с пунцовым лицом, и ее смущенный смех сменился горькой гримасой.

И в этот миг что-то щелкнуло внутри Мелиссы. Она увидела не просто жест. Она увидела механизм. Идеально отлаженный механизм защиты. Это был слишком уж картинный пренебрежительный смех, слишком уж демонстративное покачивание головой. Словно он играл роль. Роль того, кого от него ждали. Ждали его друзья, ждали зрители, ждала вся эта маленькая вселенная под названием «школа».

Она присмотрелась к нему внимательнее, отбросив ослепляющий блеск его улыбки и мускулов. И заметила детали. Как уголки его губ, только что растянутые в улыбке, теперь, когда он думал, что на него не смотрят, мгновенно опадали. Как его взгляд, только такой яркий и вовлеченный, на секунду становился рассеянным и пустым, когда мяч был не в игре. Как он на долю секунды зажмурился, словно от усталости, прежде чем снова впрыгнуть в водоворот действия.

Это был спектакль. Блестящий, убедительный, но спектакль. И она, сидя здесь, на галерке, была, возможно, единственным зрителем, который видел не только игру, но и закулисы.

Тренер дал свисток на перерыв. Команда потянулась к скамейке, к бутылкам с водой. Бруно отошел в сторону, вытирая лицо полотенцем. Он стоял спиной к залу, глядя в стену, его плечи тяжело вздымались. На мгновение он опустил голову, и его осанка выражала такую глубокую, почти физическую усталость, что у Мелиссы защемило сердце.

Затем он резко выпрямился, сделал большой глоток воды, швырнул бутылку в сумку и обернулся к своим друзьям. Его лицо снова озарила та самая, ослепительная улыбка.

– Что, пацаны, готовы их размазать? – громко крикнул он, хлопая одного из них по спине.

Гранитный фасад был снова возведен. Безупречный и неприступный.

Мелисса медленно поднялась с места и пошла к выходу. Ей больше не нужно было оставаться. Шоу было окончено. Но в душе у нее уже не было ни сомнений, ни горькой уверенности, что он просто вежлив.

Теперь у нее было знание. Она видела трещины. Видела, как тяжело ему дается эта роль. И это знание было одновременно страшным и пьянящим. Она поняла, что ее влечет к нему не его ослепительная внешность или королевский статус. Ее влекла к нему эта тайна. Эта боль, которую он так тщательно скрывал ото всех.

Она вышла из шумного спортзала в тихий, пустой коридор. Контраст был оглушительным. И стоя в этой тишине, она вдруг с абсолютной ясностью поняла: она не хочет быть просто одной из тех, кто восхищается гранитным фасадом. Она хочет узнать, что скрывается за ним. И это желание было куда опаснее простой влюбленности.

Глава 4. Шепот за спиной

Столовая в обеденный перерыв напоминала муравейник, кишачий голодными, громкими личинками. Воздух был насыщен запахом жареной картошки и сладкого кетчупа. Мелисса, держа в руках поднос с невнятным салатом и соком, как обычно, искала глазами свой спасительный островок – свободный столик в самом углу, под огромным, пыльным окном.

Она уже почти достигла цели, лавируя между столами, когда ее взгляд невольно зацепился за него. Бруно сидел со своей бандой в центре зала. Они громко смеялись, кто-то размахивал картошкой фри, рассказывая историю. Бруно полулежал на стуле, откинув голову, его смех был самым громким, но его глаза, блуждающие по потолку, снова были пустыми. Он снова играл.

Мелисса отвернулась и ускорила шаг. Ее столик был свободен. Еще пара секунд —

– И она буквально врезалась в кого-то. Ее поднос с грохотом полетел на пол. Лоток с салатом перевернулся, разбрызгивая майонезную заправку, коробка сока лопнула, и апельсиновая жидкость начала растекаться по грязному линолеуму.

На секунду воцарилась тишина, а затем ее сменил взрыв хохота. Мелисса, покрасневшая от стыда, смотрела на липкую лужу у своих ног. Она столкнулась с Лексой – той самой высокой брюнеткой из старшей школы, которая, как все шептались, нравилась Бруно.

– Смотри куда идешь, очкарик! – фыркнула Лекса, с отвращением отряхивая капли сока с своего модного топа. Ее подружки тут же принялись ей поддакивать.

Вся кровь прилила к лицу Мелиссы. Она чувствовала себя идиоткой. Униженной, нелепой и абсолютно одинокой перед этим хором насмешливых глаз. Она видела, как парни за столиком Бруно тоже обернулись на шум. И он тоже.

«Вот и все, – промелькнуло у нее в голове. – Сейчас он посмотрит на меня с таким же презрением, как на ту девочку с мячом. И этот взгляд убьет меня окончательно».

Она не решалась поднять глаза, прикованная взглядом к апельсиновой луже.

Но вместо нового взрыва смеха или язвительного комментария она услышала его голос. Спокойный и твердый, он прорезал гамму, как лезвие.

– Успокойтесь, несчастный случай.

Она подняла голову. Бруно не смотрел на нее. Он смотрел на Лексу и ее свиту. Его лицо было серьезным, без тени улыбки.

– Эй, Бруно, да она просто неуклюжая... – начала Лекса, тут же меняя гнев на милость и обращая к нему сияющую улыбку.

– Случайность, – повторил он, и в его тоне было что-то, не допускающее возражений. Он перевел взгляд на Мелиссу. Всего на секунду. И снова – не насмешка, не презрение. Быстрая, оценивающая проверка: «С тобой все в порядке?»

Затем он развернулся и снова уселся за свой стол, словно ничего не произошло. Но его вмешательство сработало, как стоп-кран. Смешки стихли. Лекса, надувшись, отошла прочь.

Мелисса, все еще дрожа, наклонилась, чтобы собрать разбросанные столовые приборы. И тут же рядом с ней оказалась уборщица Мария с тряпкой и шваброй.

– Ничего, дорогая, бывает, – добродушно пробормотала она, принимаясь вытирать лужу.

Мелисса поблагодарила ее прерывающимся голосом и, подобрав свой поднос, почти бегом бросилась прочь из столовой, оставив позади и хаос, и громкие голоса, и его короткий, спасительный взгляд.

Она укрылась в самом надежном своем убежище – на старой пожарной лестнице за кабинетом химии, куда почти никто не заглядывал. Прижавшись лбом к прохладным перилам, она пыталась отдышаться, выдать из себя ком стыда, застрявший в горле.

Он снова помог ей. Снова встал на ее сторону. На стороне невзрачной, неуклюжей очкарики против королевы их маленького мирка. Почему? Из вежливости? Но его тон был не вежливым. Он был... властным. Он не просил, а приказывал им замолчать. Он использовал свой авторитет, чтобы защитить ее.

И тут до нее донеслись голоса. Двое учеников, видимо, вышли покурить в разрыв ограждения лестницы этажом ниже. Они ее не видели.

– ...видел, как Бруно заступился за эту ботаниху? За Мелиссу?

– Ага. Странно. Он что, на нее запал?

Мелисса затаила дыхание, вжавшись в стену.

– Да нет, – фыркнул второй голос, который она узнала – это был один из баскетболистов, Марк. – Просто он терпеть не может Лексу. Она ему вчера СМС закидывала, а он ее в черный список, наверное, уже занес. Он просто воспользовался случаем, чтобы ее опустить. Всегда приятно, когда такая, как Лекса, вешается на тебя, а ты можешь ее послать нафиг при всех. А эта Мелисса... просто удобный повод.

– А, понятно, – засмеялся первый. – Ну да, логично. Не может же он правда на такую смотреть.

Их голоса затихли, удаляясь.

Мелисса медленно сползла по стене и села на холодные бетонные ступени. Ее руки снова дрожали, но теперь от совсем другой дрожи. Не от стыда, а от ледящей ясности.

«Просто удобный повод».

Слова Марка выстроились в идеальную, безжалостную логическую цепь. Да, это было похоже на правду. Это было даже более вероятно, чем внезапный интерес Бруно к ее скромной персоне. Он использовал ситуацию, чтобы унижить Лексу, которая ему надоела. А она, Мелисса, стала разменной монетой в его маленькой игре.

Все ее надежды, все эти трещинки в фасаде, которые она с таким трудом разглядывала, – все это рухнуло в одно мгновение, раздавленное простым и циничным объяснением.

Она сидела там еще долго, пока звонок с урока не прозвенел, оглушительно громкий в тишине ее убежища. Она поднялась, отряхнула юбку и медленно пошла на урок. Ее лицо было спокойным, маска снова на месте. Но внутри все перевернулось.

Шепот за спиной мог быть злым и насмешливым. Но он же мог быть и правдой. И эта правда оказалась гораздо больше любой насмешки.

Глава 5. Первая трещина

Дождь начался внезапно, как это часто бывало в Сомервиле. Сначала несколько тяжелых капель, застучавших по крышам, а потом хлынул сплошной стеной, затягивая город в серую, влажную пелену. Мелисса стояла под козырьком школьного входа, глядя на потоки воды, стекающие с водосточной трубы. У нее не было зонта. Она рассчитывала на обещанное метеорологами солнце и теперь была поймана в ловушку.

Она наблюдала, как ученики, смеясь и крича, разбегаются по машинам родителей или под зонтами, сливаясь в пеструю, быстро исчезающую толпу. Она уже мысленно готовилась к мокрому и неприятному двадцатиминутному путешествию пешком, как вдруг заметила одинокую фигуру, застывшую у скамейки в дальнем конце площадки перед школой.

Бруно.

Он стоял, повернувшись лицом к стене из дождя, его плечи были напряжены, а руки глубоко засунуты в карманы куртки. Он не пытался бежать или искать укрытия. Он просто стоял и смотрел, словно в гипнотическом трансе. Вода стекала с его темных волен, пропитывала его куртку, но он, казалось, не замечал этого.

Никто из его друзей не было рядом. Никакой свиты, никаких поклонниц. Только он и ливень.

Мелисса замерла, забыв о собственном положении. В его позе была такая безысходность, такая глубокая отрешенность, что у нее сжалось сердце. Это было не похоже на усталость после баскетбола или на игровую роль. Это было что-то настоящее. Что-то тяжелое и темное.

Она не думала. Ее ноги сами понесли ее вперед, под проливной дождь. Крупные капли тут же хлестнули ей в лицо, промочили блузку, но она уже не могла остановиться. Она подошла к нему сбоку, стараясь не напугать.

– Бруно? – тихо позвала она, ее голос почти потонул в шуме ливня.

Он медленно повернул голову. Его лицо было мокрым, и она не могла разобрать, дождь это или что-то еще. Его глаза, обычно такие насмешливые или пустые, сейчас были широко раскрыты, и в них плескалась такая голая, ничем не прикрытая боль, что у Мелиссы перехватило дыхание.

Он смотрел на нее, не узнавая, словно видя сквозь нее. Потом его взгляд прояснился.

– Что? – его голос был хриплым, сорванным.

– Ты... промокнешь насквозь, – глупо проговорила она, понимая всю нелепость своих слов.

Он коротко, без юмора, усмехнулся.

– Уже.

Он снова посмотрел на дождь, и его лицо исказилось гримасой, в которой было что-то детское и беззащитное.

– В тот день тоже лил дождь, – проговорил он так тихо, что она едва расслышала. – Мама уходила. Она даже не обернулась. Просто села в машину и уехала. А я стоял у этого окна и смотрел, как дождь смывает следы от шин.

Он выдохнул, и его плечи сгорбились еще сильнее, словно под невидимой тяжестью.

Мелисса стояла, не в силах пошевелиться, не в силах вымолвить слово. Он никогда и никому, наверное, этого не рассказывал. Это была та самая рана, из-за которой все его гранитные стены и маски. И сейчас, под этим проливным дождем, эта рана кровоточила, и он был не в силах ее скрыть.

Она медленно, почти машинально, сняла с себя свой пиджак, который был лишь чуть менее мокрым, чем все остальное, и протянула ему.

– На, – просто сказала она.

Он посмотрел на пиджак, потом на нее. В его глазах шла борьба – привычное желание оттолкнуть, отгородиться, и новая, странная потребность принять эту немудреную заботу. В конце концов, он молча взял пиджак. Он даже не попытался надеть его, просто сжал в руке.

– Спасибо, – прошептал он.

В этот момент из-за угла школы послышался громкий голос:

– Бруно! Эй, чувак, ты где? Такси ждет!

Это был Марк. Бруно вздрогнул, словно его ошпарили. В одно мгновение его лицо преобразилось. Боль и уязвимость были сметены привычной, натянутой маской безразличия. Он отшвырнул пиджак обратно к Мелиссе, уже даже не глядя на нее.

– Ладно, беги, ботаник, а то простудишься, – бросил он через плечо уже своим старым, грубоватым тоном, и быстрым шагом направился на голос друга.

Мелисса подобрала свой мокрый пиджак. Он снова стал тем самым Бруно. Но что-то сломалось. Щель в его фасаде, которую она раньше лишь угадывала, теперь зияла, обнажая темную, болезненную пустоту.

Она стояла под дождем, держа в руках мокрый пиджак, и понимала, что все, что она слышала от Марка вчера, – ложь. Он не играл с Лексой. Он не использовал ее. Он был просто несчастным, одиноким парнем, который боялся доверять. И он доверился ей. На несколько секунд.

Это была не победа. Это было страшно. Потому что теперь она знала. И это знание накладывало на нее ответственность. Она больше не могла просто наблюдать за ним со стороны, как за интересным экспонатом. Она прикоснулась к его боли. И это изменило все.

Первая трещина появилась не в его фасаде. Она появилась в ее сердце, и сквозь нее хлынуло странное, новое чувство – не просто влюбленность, а острое, почти физическое желание защитить его. Даже от него самого.

Глава 6. Случайность в библиотеке

Тишина школьной библиотеки на этот раз казалась Мелиссе обманчивой. После того ливня, после тех слов, весь мир приобрел иное звучание. Теперь, сидя за своим столиком, она не просто пряталась – она прислушивалась. Краем сознания она отмечала скрип двери, шаги между стеллажами, шелест страниц. И в каждом звуке таилась возможность услышать его шаг.

Она пыталась читать, но слова расплывались перед глазами, превращаясь в его мокрое от дождя лицо с глазами, полными неизбывной боли. «В тот день тоже лил дождь...» Эти слова эхом отдавались в ней, становясь частью ее собственной памяти.

И тогда она его услышала. Тяжелые, но осторожные шаги в отделе классической литературы. Те же самые, что она запомнила в прошлый раз. Сердце ее снова пошло вразнос. Она медленно подняла голову.

Он стоял у той же полки, спиной к ней. Его поза была менее напряженной, чем тогда, но все такой же закрытой. Он проводил пальцами по корешкам, словно ища что-то конкретное. Затем его рука остановилась, и он потянулся к одной книге, стоявшей чуть выше его роста. В этот момент несколько соседних томов, неустойчиво стоявших на полке, пошатнулись и с грохотом посыпались на пол.

Бруно отпрыгнул, явно раздраженный. Он бросил на рассыпанные книги сердитый взгляд, словно они были личными врагами.

Мелисса встала. Ее ноги сами понесли ее к нему. Она уже не могла сидеть сложа руки.

– Дай я помогу, – тихо сказала она, подходя.

Он резко обернулся, и на его лице она снова увидела щит – готовую ухмылку, маску раздражения. Но увидела и то, как эта маска дрогнула, узнав ее. Раздражение сменилось настороженностью, а затем – на смущение. Он быстро опустил глаза.

– Не стоит, – буркнул он. – Сам справлюсь.

Но она уже наклонилась и стала собирать книги. Она поднимала их, аккуратно стряхивала несуществующую пыль и складывала в стопку. Ее движения были спокойными и точными. Она чувствовала его взгляд на себе, тяжелый и недовольный.

– Я сказал, не надо, – повторил он, но уже без прежней уверенности.

Мелисса подняла последнюю книгу – томик Толстого – и встала, держа его в руках. Она посмотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

– Я знаю, – тихо сказала она. – Но я все равно помогу.

Они стояли друг напротив друга в узком проходе между стеллажами. Воздух был наполнен запахом старой бумаги и пыли. Где-то за окном щебетали птицы. В библиотеке было тихо, пустынно.

Бруно смотрел на нее, и его щит медленно, с неохотой, начал таять. Он не смог выдержать ее взгляда – спокойного, лишённого страха или подобострастия. Он отвел глаза и провел рукой по волосам.

– Чертов Толстой, – пробормотал он сдавленно. – Всегда он у меня падает.

– Его нужно ставить не вертикально, а под небольшим наклоном, – машинально заметила Мелисса, показывая на полку. – Иначе корешок перекашивается, и соседние книги начинают падать.

Он уставился на нее с неммым удивлением, словно она только что изрекла великую тайну мироздания.

– Ты серьезно? – в его голосе прозвучала неподдельная искренность.

– Это же логично, – пожала она плечами, чувствуя, как краска заликает ее щеки.

Он вдруг рассмеялся. Коротко, тихо, но на этот раз по-настоящему. Не тот громкий, показной хохот, что оглушал спортзал, а сдержанный, идущий из глубины смех.

– Логично, – повторил он, качая головой. – Да, наверное, логично.

Он взял у нее из рук стопку книг, и их пальцы снова соприкоснулись. На этот раз он не отдернул руку.

– Спасибо, – сказал он, и в его голосе не было ни грана прежней бравады. Он был простым и усталым. – И... за тогда. За пиджак.

– Не за что, – прошептала она.

Он повернулся, чтобы поставить книги на полку, следуя ее нехитрому совету. Мелисса наблюдала, как его широкие плечи блокируют свет из окна, как он аккуратно, почти с нежностью, расставляет тома. Это был тот самый Бруно, которого никто не видел. Тот, кто боялся дождя, читал Дикинсон и не умел правильно ставить книги на полку.

– Знаешь, – сказал он, не оборачиваясь, закончив свое дело. – Ты... не такая, как все.

Она замерла, не зная, что ответить. Compliment? Констатация факта?

Он обернулся и посмотрел на нее с тем же смущением, что и она.

– Я это к тому, что... – он запнулся, ища слова. – Спасибо. Что не бежишь, не кричишь, не требуешь чего-то.

Он имел в виду не только сегодня. Он имел в виду все. И дождь, и пиджак, и эту тихую помощь здесь, среди книг.

– Мне нечего требовать, – честно сказала Мелисса.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Ладно, – он сделал шаг к выходу, затем остановился. – Увидимся, Мелисса.

И он ушел, оставив ее одну в проходе между стеллажами. Она медленно облокотилась на полку, чувствуя, как дрожат ее колени.

Он назвал ее по имени. Он запомнил ее имя.

Эта встреча была случайностью. Упавшие книги – случайностью. Но его слова, его взгляд, его тихая благодарность – в этом не было ничего случайного. Это было начало чего-то нового. Хрупкого и пугающего, как первый подснежник, пробивающийся сквозь мерзлую землю. И она уже не могла, не хотела от этого отказываться.

Глава 7. Зеркало лжи

Обед в столовой на следующий день напоминал сюрреалистичный спектакль, где Мелисса неожиданно получила главную роль, даже не выучив текста. Она сидела за своим привычным столиком в углу, ковыряя вилкой макароны, когда к ней подошел Джейк, один из самых общительных парней из ее параллельного класса.

– Привет, Мелисса, – он улыбнулся ей ослепительной, слишком белой улыбкой. – Слушай, мы тут с ребятами собираемся в пятницу у Марка. Родителей не будет. Заскочишь?

Она смотрела на него, не в силах скрыть удивление. Джейк никогда в жизни не заговаривал с ней, разве что для того, чтобы списать контрольную по физике.

– Я... не знаю, – промямлила она. – Мне надо...

– Да ладно, будь круче! – он подмигнул ей. – Ты же теперь своя.

Он ушел, оставив ее в полном недоумении. «Своя»? Что это вообще значит?

Но на этом не закончилось. Пока она несла поднос к конвейеру, с ней поздоровалась Сара, одна из чирлидерш, чье внимание обычно ограничивалось брезгливым взглядом сверху вниз.

– Мелисс, привет! Классные сережки.

Мелисса машинально дотронулась до своих простых сережек-гвоздиков. Сара прошла мимо, оставив за собой шлейф дорогих духов и еще большее смятение.

Она вышла из столовой и направилась к своему шкафчику, чувствуя себя так, будто попала в параллельную реальность. По пути она услышала обрывки разговоров, и ее имя звучало в них с пугающей регулярностью.

«...да, та самая, блондинка...»

«...видел, как Бруно с ней в библиотеке...»

«...говорят, они...»

Она резко повернула за угол и застыла как вкопанная. У ее шкафчика стояла Лекса. Та самая Лекса, что вчера смотрела на нее с таким отвращением. Теперь ее лицо озаряла сладкая, неестественная улыбка.

– Мелисса! – ее голос звенел фальшивой бодростью. – Как дела? Слушай, мы с девочками собираемся после школы в кафе, хочешь присоединиться?

Мелисса молчала, не в силах найти слов. Она смотрела на Лексу и видела в ее глазах не дружелюбие, а холодный, расчетливый интерес. Она была не человеком, а разменной монетой.

– Я... не могу, – наконец выдавила она. – У меня... репетитор.

Улыбка Лексы ни на миг не дрогнула, но в ее глазах что-то мелькнуло – разочарование хищника, упустившего добычу.

– А, понятно. Ну, в следующий раз обязательно!

И она упорхнула, оставив после себя запах притворства.

Мелисса медленно открыла свой шкафчик, глядя в его узкое, темное зеркало. Ее собственное отражение казалось ей чужим. Кто эта девушка, которую внезапно все хотят видеть в своих компаниях? Чье имя у всех на устах?

И тут до нее дошло. Это не она им внезапно понравилась. Это не ее ум или личность внезапно обрели ценность. Они видели в ней лишь отражение. Отражение его внимания.

Она была «девушкой, с которой разговаривает Бруно». Новым трофеем в его коллекции, за которым стоило поохотиться. Приглашая ее на вечеринку, заговаривая с ней, они на самом деле пытались приблизиться к нему. Узнать о нем через нее. Использовать ее как мост к своему королю.

Ее лицо в зеркале исказилось от горькой обиды. Все эти улыбки, все эти приглашения – это была ложь. Большая, коллективная ложь, в которой она была всего лишь зеркалом, отражающим его свет. Без него она снова стала бы невидимкой. Никто не заметил бы ее исчезновения.

Она захлопнула шкафчик с таким грохотом, что несколько человек обернулись. Она прошла по коридору, и на этот раз не опускала глаз. Она смотрела прямо на них – на этих внезапно таких дружелюбных одноклассников. И видела в их глазах то же, что и в глазах Лексы – любопытство, расчет, но не искренний интерес.

Она была не своей. Она была чужим в стае, которую внезапно заинтересовал ее запах.

И самое ужасное было в том, что часть ее, маленькая и тщеславная, радовалась этому вниманию. Ей нравилось, что на нее смотрят, с ней заговаривают. Эта часть шептала: «А что, если? Что, если использовать это? Стать своей в этой стае?»

Но глядя в зеркало лжи, она видела правду. Она была всего лишь отражением. И когда его внимание иссякнет, она снова станет пустым, темным стеклом.

Она вышла на улицу и глубоко вдохнула прохладный воздух. Ей нужно было бежать. Не от них, а от этого искушения, от этой лжи. Ей нужно было найти что-то настоящее. И единственным настоящим за последние дни был он. Не король Бруно, а тот, раненый мальчик под дождем. И тот, кто смущенно благодарил ее в библиотеке.

Все остальное было зеркалом, кривым и обманчивым.

Глава 8. Приглашение в никуда

Следующие несколько дней Мелисса провела в состоянии осознанной невидимости. Она не просто избегала внимания – она растворялась в стенах, становилась частью пейзажа. Она научилась выходить из класса последней, выбирать маршруты через самые безлюдные коридоры и обедать в самой глухой час, когда столовая была почти пуста. Она отшила Джейку коротким сообщением: «Не смогу». Игнорировала очередную сладкую улыбку Лексы, сделав вид, что не заметила ее. Она отгораживалась от лживого шума, и тишина, что воцарилась вокруг, была горькой, но чистой.

Она почти не видела Бруно. Мельком – в конце коридора, на выходе из школы, всегда в окружении его привычной свиты. Он кивал ей, коротко, почти незаметно, и она отвечала тем же. Никаких разговоров. Никаких случайных встреч в библиотеке. Казалось, тот хрупкий мост, что начал возникать между ними, был разрушен внезапным шквалом внимания к ней.

В пятницу, после уроков, она задержалась в кабинете биологии, чтобы переписать конспект. Когда она наконец вышла, в школе было уже пусто. Длинные коридоры погрузились в предвечернюю тишину, нарушаемую лишь гулом уборочной машины где-то вдали. Она шла, наслаждаясь одиночеством, и свернула за угол к выходу.

И чуть не столкнулась с ним.

Бруно стоял, прислонившись к стене у двери, словно кого-то ждал. Он был один. Увидев ее, он выпрямился. На его лице не было ни усталости, ни боли, ни смущения. Оно было закрытым и серьезным.

– Мелисса, – произнес он ее имя, и от этого звука по ее коже побежали мурашки.

– Привет, – тихо ответила она, останавливаясь в паре шагов от него.

Он помолчал, изучая ее лицо.

– Ты не пришла на вечеринку к Марку.

Это было не упрек, а констатация факта. Почти что вопрос.

– Меня не приглашали на вечеринку, – спокойно сказала она. – Меня приглашали как экспонат. «Девушка, с которой разговаривает Бруно».

Он вздрогнул, словно она ударила его. Его глаза сузились.

– Что?

– Все вдруг решили, что я интересна, – продолжила она, глядя ему прямо в глаза. Ее голос был ровным, без обвинений. – Со мной заговорили. Стали улыбаться. Приглашать. Но это был не я. Это было отражение. Твое отражение.

Он смотрел на нее, и понемногу его маска невозмутимости начала трескаться, обнажая понимание, а затем – горькую усмешку.

– А, – коротко выдохнул он. – Понял. Это из-за того дерьма, что они несут.

– Да.

Он отвернулся, сжав кулаки. Он выглядел... виноватым.

– Прости. Я не думал, что... что это так повернется.

– Ты не виноват, – сказала она. – Ты просто был... собой. Ненадолго.

Он обернулся обратно, и его взгляд был пристальным, испытующим.

– И что? Ты теперь будешь прятаться? Из-за них?

– Я не прячусь. Я просто возвращаюсь в свою реальность. Та, что была последние несколько дней, была ненастоящей.

Он медленно кивнул, переваривая ее слова. Тишина снова повисла между ними, но на этот раз она была напряженной, наполненной невысказанным.

– А наша реальность? – негромко спросил он. – Та, что в библиотеке. И... под дождем. Она настоящая?

Мелисса почувствовала, как у нее перехватывает дыхание.

– Я думаю, да.

Он сделал шаг к ней. Теперь их разделяло меньше метра.

– Тогда, может, не стоит от нее отказываться? – его голос был низким, почти шепотом.
– Из-за них.

Он смотрел на нее, и в его глазах не было ни короля, ни мачо, ни того раненого мальчика. Был просто юноша, который задавал честный вопрос.

– А что ты предлагаешь? – спросила она, и ее собственный голос прозвучал хрипло. – Тайно встречаться в библиотеке, пока никто не видит?

Она сказала это с легкой насмешкой, но он воспринял это всерьез.

– Нет, – покачал он головой. – Я ненавижу секреты.

Он замолчал, словно собираясь с мыслями, с силами.

– Я предлагаю... пойти куда-нибудь. Сегодня. Сейчас. Просто так. Не как «Бруно и та девушка», а как... – он запнулся.

– Как Бруно и Мелисса, – тихо закончила она за него.

Да. Именно так.

Он выдержал ее взгляд и кивнул.

– Да.

Это было приглашение. Но не на вечеринку, не в шумную компанию, не в тот ложный мир, где она была лишь отражением. Это было приглашение в никуда. В пустоту. В неизвестность, где есть только они двое и тишина, что их окружала прямо сейчас.

И это было самое настоящее приглашение, какое она когда-либо получала.

Она посмотрела на его протянутую руку – не физически, а метафорически. Руку, сбросившую наконец все маски. И она поняла, что боится. Боится снова стать мишенью, боится этой пугающей искренности в его глазах, боится боли, которая неизбежно последует, если он снова наденет свою броню.

Но больше всего она боялась отказаться от этого шага. Отказаться от возможности узнать, что же скрывается за этой первой, самой главной трещиной.

– Хорошо, – выдохнула она. – Куда?

Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

– Я не знаю. Просто пойдем.

И она приняла его приглашение в никуда. Потому что это «никуда» было единственным местом, где они могли быть собой.

Глава 9. Танец под чужими взглядами

Он привел ее к старому железнодорожному мосту на окраине Сомервиля. Место было заброшенным, рельсы ржавели, а по обе стороны расстились поля, уходящие к темному лесу. Мост был их секретом, их «никуда». Они сидели на краю, свесив ноги в пустоту, и смотрели, как солнце тонет в мареве вечернего горизонта, окрашивая небо в багровые и золотые тона.

Они почти не разговаривали. Сначала говорили о пустяках – о школе, о надоедливых учителях, о духоте в классах. Но с каждым молчаливым моментом напряжение между ними росло. Воздух был наполнен невысказанным. Она чувствовала тепло его плеча в сантиметре от своего, слышала его ровное дыхание.

– Почему ты согласилась прийти? – наконец спросил он, не глядя на нее, уставившись на пылающее небо.

Мелисса задумалась. Почему? Из-за жалости? Из-за любопытства? Из-за того острого, щемящего чувства, что возникло, когда она увидела его боль?

– Потому что ты попросил, – сказала она, выбирая самую простую и самую честную правду. – И потому что я хотела.

Он кивнул, словно этот ответ его устраивал.

– А ты? – рискнула она спросить. – Почему ты пригласил меня?

Он долго молчал, и она уже подумала, что он не станет отвечать.

– Потому что ты видишь, – тихо проговорил он. – И ты не делаешь из этого шоу. Ты просто... видишь. И молчишь.

Она поняла. Он говорил о дожде. О своей боли. Она была свидетелем, который не требовал объяснений, не давил, не осуждал.

– Мне тоже есть что скрывать, – неожиданно для себя призналась она.

Он повернул голову, и его взгляд стал заинтересованным.

– Да? Например?

– Например... я не уверена, кем хочу быть. Все думают, что я должна поступать на юрфак, как папа. А я... не знаю. Иногда мне кажется, что во мне есть что-то другое. Что-то, чего я не понимаю.

Она говорила о своем будущем, о давлении отца, но на каком-то глубинном уровне она говорила и о том странном чувстве инаковости, что всегда жило в ней. О том, что делало ее невидимкой не только по необходимости, но и по своей природе.

– Я понимаю, – сказал он, и в его голосе не было сочувствия. Было понимание. – Все думают, что я должен играть в баскетбол, поступать в спортивный. А я... – он резко сорвал камень с балки и швырнул его в пустоту. – Я ненавижу баскетбол. Ненавижу эти крики, это давление. Я люблю тишину.

Они снова замолчали, но теперь тишина между ними была другой – наполненной доверием. Они были двумя островами, которые после долгого одиночества нашли друг друга в океане чужих ожиданий.

Солнце почти скрылось. Небо потемнело, и на нем зажглись первые, самые яркие звезды. Вдалеке, у леса, вспыхнули огоньки – это был Сомервиль, их обычная, тесная жизнь.

– Знаешь, что я люблю? – снова заговорил Бруно, и его голос прозвучал совсем рядом. – Я люблю смотреть на звезды. Они такие... далекие. Им плевать на нас, на наши проблемы. Они просто горят. Это успокаивает.

Мелисса смотрела на него, на его профиль, освещенный серебристым светом поднимающейся луны. В этот момент он был красивее, чем когда-либо под софитами спортзала. Настоящим.

– Я тоже, – прошептала она.

Он обернулся к ней. Их взгляды встретились в полумраке. И в этот миг что-то щелкнуло. Невидимая нить, что тянулась между ними все эти недели, натянулась, зазвенела.

Он медленно, словно боясь спугнуть, поднял руку и коснулся ее щеки. Его пальцы были теплыми и шершавыми. Она замерла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как бешено бьется ее сердце.

– Мелисса, – он произнес ее имя как заклинание.

И он поцеловал ее.

Это был не страстный, не требовательный поцелуй. Он был нежным, почти робким. Исследующим. Вопросом и ответом одновременно. В этом прикосновении была вся его уязвимость, все его доверие, вся та боль, что он ей открыл, и вся надежда, что, возможно, она сможет ее исцелить.

Когда он отстранился, они оба тяжело дышали. Мелисса смотрела на него широко раскрытыми глазами, все еще чувствуя на своих губах тепло его прикосновения.

Он смотрел на нее с немым вопросом, с легкой паникой в глазах – боялся ли он, что она оттолкнет его?

Но она не оттолкнула. Она медленно улыбнулась. Небольшой, дрожащей, но самой настоящей улыбкой, которую она дарила ему впервые.

Он выдохнул с облегчением, и его лицо тоже озарила улыбка – не ослепительная, не показная, а мягкая, счастливая.

Они не сказали больше ни слова. Они просто сидели там, в их «никуда», держась за руки и глядя на зажигающиеся в небе звезды. Они только что станцевали свой первый, самый главный танец. И пусть никто его не видел, для них он значил больше, чем все аплодисменты мира.

Глава 10. Звёзды на его коже

Они шли обратно к городу в полной темноте, и мир вокруг казался вымершим. Ни луны, ни уличных фонарей на этой окраине – только млечный путь, раскинувшийся над головой бледной, сияющей рекой. Их пальцы были сплетены, и это простое прикосновение чувствовалось громче любого слова. Воздух между ними вибрировал от только что случившегося поцелуя, такого хрупкого и такого огромного.

Мелисса украдкой смотрела на его профиль, освещенный лишь звездным светом. Он был задумчив и спокоен, его обычная маска напряженности окончательно растаяла. Она видела в нем теперь не только боль, но и тихую, умиротворяющую силу.

– Там, – он вдруг остановился и указал куда-то вверх, в сторону леса. – Видишь? Три яркие звезды, почти по прямой линии.

Она посмотрела туда, куда указывал его палец. Среди россыпи более тусклых огоньков она различила три яркие точки.

– Пояс Ориона, – тихо сказала она.

Он повернулся к ней, и в темноте она увидела, как его лицо озарилось удивлением и радостью.

– Ты знаешь?

– Немного, – призналась она. – Папа купил мне телескоп, когда я была маленькой. Мы иногда смотрели... пока...

Она замолчала. Пока мама не ушла. Она редко говорила об этом вслух.

Бруно не стал спрашивать. Он просто сжал ее руку чуть сильнее, и в этом жесте было больше понимания, чем в любых словах.

– Покажи еще, – попросила она.

И он стал ее гидом по ночному небу. Он водил пальцем по невидимым линиям, и звезды складывались в картины.

– Вон там, – его голос стал тихим, душевным. – Кассиопея. Похожа на растянувшуюся W. А левее... видишь пять звезд, как бы коромыслом? Это Лебедь. Летит по Млечному пути.

Она слушала, завороженная. Он знал не просто названия. Он знал мифы.

– А вот Большая Медведица, – он повел рукой, очерчивая большой ковш. – А вот Полярная звезда. Та, что всегда на месте. К которой все дороги ведут.

Он говорил, и в его словах не было ни капли той бравады или показной уверенности, с которой он обычно обращался с миром. Здесь, под звездами, он был самим собой – умным,

внимательным, немного поэтичным. Звезды были его языком, его способом говорить о чем-то настоящем.

– Откуда ты все это знаешь? – не удержалась она.

Он на мгновение замолчал, и его рука в ее руке слегка дрогнула.

– После того как мама ушла, – начал он, и его голос стал глухим, – я не мог спать. Ночи были... самыми страшными. Отец запирался у себя в комнате. В доме была такая тишина, что я слышал, как бьется мое сердце. Мне казалось, я сейчас сойду с ума.

Он сделал паузу, глотая воздух.

– И тогда я начал вылезать через окно на крышу. Просто сидел и смотрел наверх. Сначала просто так, чтобы отвлечься. А потом... я начал замечать, что одни и те же звезды возвращаются на одни и те же места. Что в этом хаосе есть порядок. Постоянство. Я стал брать книги в библиотеке, атласы... Изучал. Это стало моим... моим якорем. Когда все рушилось, звезды оставались на своих местах. Они напоминали мне, что есть что-то большее, чем наша... чем моя боль.

Мелисса слушала, и ее сердце разрывалось от сочувствия. Она представляла себе маленького восьмилетнего мальчика, сидящего одного на холодной крыше и ищущего утешения в холодном свете далеких солнц.

– Они как шрамы на небе, – прошептал он. – Следы древних ран, которые стали красивыми. Свет вместо тьмы.

Она не смогла сдержаться. Она подняла руку и очень осторожно, почти не дотрагиваясь, провела пальцами по его щеке, там, где у него был едва заметный шрам от давней ссадины.

– А эти? – тихо спросила она. – Это тоже звезды?

Он вздрогнул от ее прикосновения, но не отстранился. Его глаза в темноте блестели.

– Да, – прошептал он. – Те, что никто не видит.

В его голосе не было горечи. Было примирение. Признание.

И в этот момент Мелисса поняла, что влюблена. Не в мачо, не в короля школы, не в того парня с обложки. Она была влюблена в этого мальчика со шрамами-звездами на душе и на коже. В астронома, прячущегося под маской баскетболиста. В того, кто нашел свет в самой густой тьме.

Она поднялась на цыпочки и снова поцеловала его. На этот раз не в ответ на его вопрос, а как свой собственный – безмолвный, но бездонный по своей искренности. В этом поцелуе было обещание. Обещание видеть его звезды. Все до одной.

Когда они наконец дошли до ее дома, он остановился у калитки, не решаясь подойти ближе под свет фонаря.

– Завтра? – спросил он, и в его голосе снова зазвучала неуверенность, словно он боялся, что завтра все вернется на круги своя.

– Завтра, – уверенно сказала она. – И послезавтра.

Он улыбнулся своей новой, настоящей улыбкой и, развернувшись, скрылся в темноте.

Мелисса зашла в дом и поднялась в свою комнату. Она подошла к окну и распахнула его. Ночной воздух был холодным и чистым. Она смотрела на звезды, на те самые созвездия, что он ей показывал, и видела в них уже не просто скопления газа и пыли, а карту его души. Самую настоящую и самую красивую карту, какую она когда-либо видела.

Глава 11. Ночной звонок

Мелисса лежала в постели, уставившись в потолок, где призрачные тени от фар проезжающих машин скользили, как немые киногерои. Она не могла уснуть. На ее губах все еще горело прикосновение Бруно, а в ушах звучал его тихий, уверенный голос, рассказывающий о звездах. Весь мир перевернулся с ног на голову, и она парила где-то под потолком своей комнаты, легкая и бестелесная от счастья.

Вдруг ее телефон, лежавший на тумбочке, завибрировал, разорвав тишину коротким, настойчивым жужжанием. Она вздрогнула и посмотрела на экран. Неизвестный номер. Сердце ее пропустило удар. Кто это мог быть в такой час? Отец был дома и давно спал.

С замиранием сердца она провела пальцем по экрану.

– Алло? – тихо произнесла она.

Сначала в трубке была только тишина, прерываемая неровным дыханием. Потом тихий, сдавленный голос, который она узнала бы из тысячи:

– Мелисса?

Это был Бруно. Но не тот Бруно, что целовал ее несколько часов назад. Его голос был надтреснутым, хриплым от сдерживаемых эмоций. В нем слышалась паника.

– Бруно? Что случилось? – она тут же села на кровати, сжимая телефон в потной ладони.

– Я... я не знал, кому позвонить, – прошептал он, и его голос дрогнул. – Прости. Я... мне просто нужно было услышать твой голос.

– Ты в порядке? Где ты? – ее собственный голос дрожал от страха.

– Дома. В своем... в своей комнате. – Он сделал паузу, и она услышала, как он с силой выдыхает. – Он опять... Мы с отцом опять поругались.

Он замолчал, и Мелисса могла почти физически ощутить его боль, передававшуюся по воздуху через мобильную сеть.

– Он пришел пьяный, – продолжил Бруно, и слова полились из него, как кровь из открытой раны. – Опять начал... о маме. О том, какая она... Я не могу даже повторить. А потом... потом перешел на меня. «Ты весь в нее, такой же слабый, такой же...» – он снова замолчал, и Мелисса услышала, как он сдерживает рыдание. – Я не слабый. Я не...

– Ты не слабый, – твердо сказала она, чувствуя, как ее сердце разрывается на части. – Ты самый сильный человек, которого я знаю.

Из трубки донесся сдавленный, горький смех.

– Сильный? Я сижу здесь, в темноте, и дрожу как осиновый лист. И звоню тебе, потому что больше не могу это выносить в одиночку.

– Ты не один, – прошептала она. – Я здесь. Я с тобой.

Она легла обратно на подушку, прижав телефон к уху, и закрыла глаза, представляя его – сидящим на кровати в темноте, сторбленного, с телефоном в дрожащей руке. Ей до боли хотелось быть рядом с ним, обнять его, прижать его голову к своему плечу и просто держать, пока вся эта боль не уйдет.

– Расскажи мне о звездах, – тихо попросила она.

Он снова засмеялся, на этот раз с удивлением.

– Что?

– Ты слышал меня. Расскажи мне о звездах. Какую-нибудь историю. Про Персея и Андромеду.

Он помолчал, и она слышала, как его дыхание понемногу выравнивается.

– Хорошо, – наконец сказал он, и его голос стал чуть спокойнее. – Андромеда... ее родители, царь с царицей, чем-то прогневали богов. И в наказание ее должны были принести в жертву морскому чудовищу. Приковали к скале у моря и оставили. А Персей... он пролетал мимо. Увидел ее и... спас.

Он говорил медленно, подбирая слова, и его голос, низкий и бархатный, тек по проводам, окутывая ее, словно одеялом. Но она чувствовала, что он говорит не только о мифах. Он говорил о себе. О том, что он прикован к скале своего прошлого, своего гнева, и ждет, что чудовище вот-вот явится из темных вод.

– А потом что? – спросила она, когда он замолчал.

– А потом они поженились, – закончил он просто. – И были счастливы. На небесах.

– Это хорошая история, – прошептала она.

– Да, – согласился он. – Хорошая.

Они молчали несколько минут, и тишина между ними уже не была напряженной. Она была наполненной его ровным дыханием и биением ее сердца.

– Спасибо, – наконец сказал он, и его голос снова стал твердым. – Мне... мне уже лучше.

– Я всегда на другом конце провода, – сказала она. – Всегда.

– Я знаю, – прошептал он. – Это... это многое для меня значит. Больше, чем ты думаешь.

Они попрощались, и Мелисса положила телефон на тумбочку. Комната снова погрузилась в тишину, но теперь она была другой. Она была наполнена его присутствием, его болью, которую он ей доверил, и его доверием, которое было дороже любого признания в любви.

Она подошла к окну и снова посмотрела на звезды. Теперь она видела среди них не только его душу, но и его раны. И она знала, что ее любовь к нему – это не только полет и поцелуй

под звездным небом. Это и вот это – ночные звонки, тихие слова утешения и обещание быть рядом, когда чудовища из прошлого приходят в гости.

И это знание не пугало ее. Оно делало ее сильнее. Потому что теперь у нее был кто-то, ради кого стоило быть сильной.

Глава 12. Мост через тишину

В школе в понедельник их ждал новый вид внимания – не восторженный, как раньше, и не враждебный, а настороженный, полный невысказанных вопросов. Все видели, как они вдвоем вышли из здания в пятницу, и все видели, как они теперь общаются – не тайком, а открыто, но без показной бравады.

Бруно больше не носил свою корону. Он не окружал себя плотной стеной друзей, не бросал громких фраз через весь коридор. Он шел по школе рядом с Мелиссой, и его осанка была более расслабленной, а взгляд – более спокойным. Он не игнорировал своих старых приятелей – кивал, обменивался парой слов, – но его энергия была направлена вовнутрь, к ней.

Они не держались за руки на людях. Не целовались у шкафчиков. Их связь была тихой, почти невидимой, но от этого не менее мощной. Это был мост, построенный между двумя островами, и они пересекали его с осторожным доверием.

В обед они сидели за ее столиком в углу столовой. Не за его центральным, шумным столом. Это был сознательный выбор, и все его поняли. Мелисса чувствовала на себе взгляды – Лексы, которая смотрела на них с холодной яростью, Марка и его компании, которые перешептывались, пожимая плечами. Но теперь эти взгляды отскакивали от нее, не причиняя боли. У нее был свой щит – его присутствие рядом.

Он положил ей на тарелку свою порцию фруктового желе.

– Ты слишком худая, – сказал он просто, без намёка на шутку или придирку. – Ешь.

Она посмотрела на желе, потом на него, и улыбка сама по себе расплылась по ее лицу. Это была такая простая, бытовая забота, но в их хрупком новом мире она значила больше, чем дюжина страстных признаний.

– Спасибо, – сказала она и принялась есть.

Они говорили о пустяках. О контрольной по истории, о надоедливом запахе в кабинете химии, о том, что по телевизору сегодня вечером будет старый фантастический фильм. Их разговор не был ярким или полным остроумных шуток. Он был... комфортным. Как ношенная, мягкая одежда. Они строили свой мост не из громких слов, а из этих тихих, простых моментов.

После уроков они пошли в парк. Не на их заброшенный мост, а в обычный городской, где гуляли мамы с колясками и пожилые люди кормили голубей. Они сели на скамейку у пруда и молча смотрели, как утки выписывают круги на воде.

Тишина между ними была живой и насыщенной. Она не была неловкой, как раньше. В ней не было напряжения ожидания. Это была тишина двух людей, которым хорошо вместе без слов.

– Знаешь, что я сейчас думаю? – тихо спросил Бруно, не глядя на нее.

– Что утки, наверное, счастливые существа? – предположила она. – У них простая жизнь.

Он покачал головой и улыбнулся.

– Нет. Я думаю о том, как странно... что я сижу здесь, в парке, и мне не хочется быть где-то еще. Обычно я всегда куда-то бежал. На тренировку, на вечеринку, просто... бежал. А сейчас... мне хорошо. Просто сидеть.

Мелисса посмотрела на его профиль. Солнце ласково касалось его щеки, и в его глазах не было привычной тени. Было спокойствие.

– Мне тоже, – сказала она.

Он повернулся к ней, и его взгляд стал серьезным.

– Я никогда ни с кем не был... вот так. Честно. Всегда были какие-то игры. Что-то нужно было доказывать. С тобой... я могу просто быть.

Эти слова были самым большим подарком, который он мог ей сделать. Больше, чем поцелуй под звездами. Это было признание в том, что их мост выдержал первое испытание – испытание обыденностью.

– Я знаю, – прошептала она. – Я тоже.

Он взял ее руку и поднес к своим губам, коснувшись ее костяшек легким, почти невесомым поцелуем. Это был не страстный жест, а жест благодарности. Благодарности за то, что она есть. За этот мост. За эту тишину.

Вдруг из кустов позади них выскочила маленькая девочка, лет четырех, с размазанным по лицу мороженым. Она уставилась на них большими, любопытными глазами.

– Вы принц и принцесса? – спросила она прямо.

Бруно и Мелисса переглянулись, и оба не смогли сдержать смех.

– Нет, крошка, – улыбнулся Бруно. – Мы просто... мы.

Девочка покачала головой, неудовлетворенная ответом, и побежала дальше, к маме.

– Просто мы, – повторила Мелисса, глядя на него. – Мне нравится, как это звучит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.